

Секция 2. Человек и новые ориентиры структурной модернизации национальной экономики России

УДК 330.341
ГРНТИ 06.52.13

Структурная модернизация экономики в условиях геополитических ограничений: от ресурсно-экспортной к суверенной модели

Артеменко Дарья Дмитриевна

обучающаяся – студент 3 курса бакалавриата факультета международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, dar_artemenko@mail.ru

Базарова Милана Мурадовна

обучающаяся – студент 3 курса бакалавриата факультета международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, 230651@edu.fa.ru

Научный руководитель: Соколов Дмитрий Павлович кандидат экономических наук, доцент Кафедры экономической теории, факультета международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, (12599300, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49), dpsokolov@fa.ru.

Аннотация. В статье анализируется проблематика структурной трансформации национальной экономики, оказавшейся под воздействием жестких внешних ограничений. Показано, что сложившаяся ресурсно-экспортная модель, длительное время обеспечивавшая бюджетную наполняемость и валютные поступления, в новых геополитических условиях исчерпывает свой потенциал. Основной уязвимостью такой модели выступает критическая зависимость от импорта технологий, комплектующих и каналов международных расчетов. Авторами обосновывается необходимость перехода к суверенной модели развития, ключевыми признаками которой являются технологическая автономность, диверсифицированная производственная база и способность воспроизводить инвестиционный цикл за счет внутренних ресурсов. Отдельное внимание уделено роли государства как институционального архитектора, формирующего долгосрочные приоритеты и механизмы координации между наукой, промышленностью и финансовым сектором. Раскрывается значение внутреннего спроса, который при условии синхронизации с расширением предложения способен стать драйвером модернизации, а не источником инфляции. Делается вывод о том, что структурная перестройка экономики представляет собой не набор тактических мер импортозамещения, а долгосрочный проект качественной замены прежней логики роста на устойчивую, гибкую и слабо зависящую от внешней конъюнктуры систему воспроизводства.

Ключевые слова: структурная модернизация, экономический суверенитет, ресурсно-экспортная модель, геополитические ограничения, технологическая независимость, промышленная политика, внутренний спрос.

Введение

В последние годы характер функционирования мировой экономики претерпевает существенные изменения, обусловленные усилением геополитической напряженности, трансформацией глобальных цепочек создания стоимости и ростом ограничительных мер в сфере международной торговли и финансов. Эти процессы формируют принципиально иную среду экономического развития, в которой устойчивость национальных хозяйственных систем определяется не столько их интегрированностью в мировую экономику, сколько способностью адаптироваться к внешним ограничениям и снижать критическую зависимость от внешних факторов.

Для экономик, исторически ориентированных на экспорт сырьевых ресурсов, подобные изменения имеют системные последствия. Сформированная ранее модель роста, основанная на использовании природной ренты и благоприятной внешней конъюнктуры, в условиях геополитической нестабильности демонстрирует ограниченную эффективность. Зависимость от внешнего спроса, технологического импорта и международных финансовых рынков усиливает уязвимость экономической системы и обостряет внутренние структурные диспропорции. В научной литературе данные эффекты традиционно связываются с феноменом «ресурсного проклятия», отражающим негативное влияние сырьевой специализации на долгосрочное развитие [2].

Одновременно усиливается значимость категории экономического суверенитета, которая в современных условиях приобретает не декларативный, а прикладной характер. Речь идет о формировании такой модели экономики, при которой ключевые процессы воспроизводства, технологического развития и инвестиционной активности могут осуществляться преимущественно за счет внутренних ресурсов и институциональных возможностей. Как отмечается в современных исследованиях, экономический суверенитет становится важнейшим элементом обеспечения устойчивости в условиях внешнего давления [11, с. 113].

В этих условиях структурная модернизация экономики выходит за рамки частной экономической задачи и приобретает стратегическое значение. Она предполагает не только изменение отраслевых пропорций, но и трансформацию институциональной среды, механизмов государственного регулирования и приоритетов экономической политики. Особое значение приобретают вопросы диверсификации производства, развития технологической базы и формирования внутренних источников экономического роста.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ направлений структурной модернизации экономики в условиях геополитических ограничений и обоснование перехода к суверенной модели развития.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. выявить ключевые ограничения ресурсно-экспортной модели;
2. раскрыть содержание и экономическое значение категории экономического суверенитета;
3. определить приоритетные направления структурной трансформации экономики;
4. оценить роль государства в формировании новой модели развития.

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных подходов к пониманию структурной модернизации в условиях геополитических ограничений и в обосновании взаимосвязи между технологической независимостью, диверсификацией экономики и обеспечением экономического суверенитета.

Основная часть

Структурная модернизация экономики в условиях геополитических ограничений перестала быть теоретической темой и превратилась в практический вопрос устойчивости национального хозяйства [9]. Наиболее существенное изменение состоит в том, что внешняя среда больше не выступает нейтральным фоном экономического роста: она влияет на стоимость капитала, доступность технологий, конфигурацию торговых потоков и даже на саму возможность поддерживать привычную структуру производства [7, 8]. В такой ситуации ресурсно-экспортная модель, долгое время обеспечивавшая приток валютной выручки и относительную макроэкономическую стабилизацию, начинает обнаруживать собственные пределы. Она оказывается эффективной до тех пор, пока сохраняются устойчивые внешние рынки, предсказуемые транспортные коридоры и приемлемые условия международных расчетов; однако при росте санкционного давления и усложнении доступа к финансовой и технологической инфраструктуре эта конструкция теряет прежнюю прочность. Не случайно Банк России фиксирует, что по итогам 2024 года совокупный финансовый результат нефинансовых организаций снизился на 6,9% по сравнению с предыдущим годом, а на показатели бизнеса одновременно давили санкции, рост издержек и высокая стоимость заимствований [1, с. 17].

Именно здесь становится заметно, что проблема заключается не только в отдельных отраслевых трудностях, а в более глубокой структурной инерции

экономики [11, с. 113]. Сырьевая специализация сама по себе не является приговором, однако она формирует специфическую логику распределения ресурсов, при которой наиболее доходные сегменты вытягивают на себя инвестиции, квалифицированные кадры и управленческое внимание, тогда как сектора с более длинным производственным циклом развиваются медленнее и требуют более сложной поддержки [5, 6]. В период внешней турбулентности этот перекос усиливается: ресурсный сектор может сохранять выручку, но обрабатывающая промышленность, высокотехнологичные производства и логистика сталкиваются с более жесткими ограничениями по импортным компонентам, оборудованию, программному обеспечению и страхованию внешнеторговых операций. Банк России отдельно отмечал, что в 2024 году внешние условия продолжили ухудшаться, а новые пакеты санкций заметно отразились на трансграничных расчетах и инфраструктуре внутреннего валютного рынка [2, с. 2].

Поэтому переход к суверенной модели следует понимать не как лозунг о самодостаточности, а как стремление к такой структуре воспроизводства, при которой экономика способна поддерживать рост даже при сокращении внешнего маневра. В международной практике именно технологическая и производственная автономность чаще всего выступают главным признаком зрелой суверенности: критически важные звенья не должны зависеть от единственного внешнего поставщика, а длинные цепочки создания стоимости должны иметь внутренние резервные контуры. В отношении российской экономики это означает необходимость не просто заместить выпавший импорт, но создать такую систему, которая сможет воспроизводить компоненты развития внутри страны – от исследований и инженерной подготовки до серийного производства, сервисного сопровождения и экспорта более сложной продукции. Всемирный банк в последнем страновом обзоре указывает, что в среднесрочной перспективе потенциал роста России ограничивается неблагоприятной динамикой рынка труда и ограничениями доступа к зарубежным рынкам и технологиям; одновременно отмечается, что рост в 2025 году замедлился до 1% после 4,9% в 2024 году [3, с. 1].

Отсюда вытекает принципиально важный вывод: структурная модернизация не может сводиться к простой смене набора отраслей, поскольку тогда она останется поверхностной. Нужна трансформация самой логики экономического роста. В ресурсно-экспортной модели инвестиции, как правило, следуют за конъюнктурой мирового сырьевого рынка; в суверенной модели они должны опережать конъюнктуру, формируя новые рынки, новые компетенции и новые способы организации производства. Это означает, что государство не может ограничиться ролью арбитра или наблюдателя. Оно должно выступать как институциональный архитектор: задавать приоритеты,

снижать риски для долгосрочных вложений, обеспечивать координацию между наукой, промышленностью и финансовым сектором, а также создавать условия, при которых частный капитал будет заинтересован не только в быстрой прибыли, но и в развитии производственных цепочек внутри страны. Именно в этом смысле стратегия экономической безопасности, утвержденная Указом Президента РФ № 208, имеет не декларативное, а организационное значение: она закрепляет необходимость мониторинга состояния экономической безопасности, контроля за реализацией стратегии и ежегодной отчетности по мерам ее укрепления [4].

Особое место в логике модернизации занимает внутренний спрос, поскольку именно он способен стать компенсирующим механизмом в период сужения внешних рынков. Однако стимулировать спрос механически опасно: если спрос растет быстрее, чем предложение, экономика получает не расширение производства, а инфляционный импульс. Следовательно, речь должна идти о согласованном росте доходов, кредитного предложения, инвестиционной активности и производственных мощностей. В 2024 году, как следует из обзора Банка России, высокая занятость, рост заработных плат, корпоративные прибыли и льготные ипотечные программы поддерживали спрос, но одновременно усиливали инфляционное давление, что потребовало ужесточения денежно-кредитных условий [2, с. 2]. Это показывает, что задача модернизации состоит не в том, чтобы просто «разогнать» потребление, а в том, чтобы перевести его в продуктивную форму – через расширение отечественного предложения, развитие инфраструктуры, поддержку машиностроения, химии, фармацевтики, электронной промышленности и смежных отраслей. Иными словами, внутренний спрос должен становиться не следствием сырьевой ренты, а результатом роста собственной производственной базы.

Отдельного анализа требует феномен частичной переориентации внешнеэкономических связей. Он нередко трактуется как успешная адаптация, однако в реальности это скорее вынужденная перестройка, чем полноценное устранение уязвимостей. Всемирный банк отмечает, что в условиях продолжающегося торгового перераспределения связи России с Китаем усилились, а все большая доля взаимных операций проводится в юанях [3, с. 1]. Такое изменение структуры расчетов действительно снижает зависимость от прежних каналов, но не отменяет самой проблемы. Если новая внешняя конфигурация лишь заменяет один набор ограничений другим, не создавая внутреннего технологического и инвестиционного контура, то экономика остается зависимой, просто от иных центров притяжения. Поэтому суверенная модель требует не замещения одного внешнего опорного партнера другим, а формирования устойчивой внутренней связности – между регионами,

отраслями, исследовательскими центрами, банками развития и промышленными предприятиями.

Показательно, что именно в наиболее чувствительных сегментах – от добычи и переработки сырья до высокочрезвычайных производств – эффект геополитических ограничений проявляется особенно рельефно. Банк России фиксирует, что по итогам 2024 года задолженность по просроченной дебиторской задолженности в корпоративном секторе выросла, а в ряде отраслей увеличилась долговая нагрузка; кроме того, негативное воздействие оказали рост издержек и высокие процентные ставки [1, с. 17–18]. Это означает, что модернизация должна включать не только промышленную, но и финансовую перестройку: без более длинных и дешевых инвестиционных денег, без механизмов проектного финансирования и без системы поддержки технологических проектов структурный переход останется фрагментарным. Суверенная модель предполагает, что финансовый сектор перестает быть лишь обслуживающим элементом текущего оборота и становится инструментом развития, ориентированным на длинные инвестиционные циклы. Тогда модернизация приобретает системный характер: она связывает макроэкономическую устойчивость, технологическую политику, пространственное развитие и занятость в единый контур.

В результате можно утверждать, что в условиях геополитических ограничений вопрос стоит не о частичной корректировке прежней модели, а о ее качественной замене. Ресурсно-экспортная экономика способна обеспечивать относительное благополучие только в условиях внешней предсказуемости; суверенная модель, напротив, строится на способности сохранять развитие при внешнем давлении. Именно поэтому структурная модернизация должна рассматриваться как долгосрочный проект национального развития, в котором соединяются диверсификация, технологическая независимость, институциональная координация и расширение внутреннего спроса. Без такого перехода экономика будет воспроизводить прежние уязвимости; с ним – получит шанс сформировать более устойчивую, гибкую и самостоятельную траекторию роста.

Развитие суверенной модели экономики неизбежно связано с изменением характера взаимодействия между государством и рынком, где традиционное противопоставление этих институтов постепенно теряет аналитическую продуктивность. В современных условиях речь скорее идет о формировании гибридной конструкции, в которой государство задает стратегические ориентиры и снижает системные риски, тогда как рыночные механизмы обеспечивают распределение ресурсов и адаптацию к изменяющимся условиям. Подобная конфигурация особенно актуальна для экономик, находящихся под воздействием внешних ограничений, поскольку именно в таких условиях

возрастает значение координации и долгосрочного планирования. Опыт прошлых кризисов показывает, что ключевую роль играет не только глубина спада, но и то, насколько активно государство участвует в перестройке экономики. Там, где власти ограничиваются наблюдением за рыночными процессами, восстановление обычно растягивается и сопровождается неравномерными результатами. В то же время более целенаправленное вмешательство – через промышленную политику и поддержку приоритетных отраслей – позволяет быстрее задать новый вектор роста и сократить период нестабильности. На этом фоне заметно меняется и отношение к технологическому развитию. Если раньше оно во многом строилось на доступе к внешним решениям и включенности в международные цепочки, то теперь все большее значение приобретает собственная технологическая база. Ограничения, с которыми сталкиваются экономики, заставляют рассматривать технологии не как вторичный фактор, а как основу устойчивости.

При этом речь не идет о полном отказе от внешнего взаимодействия. Скорее меняется баланс: международное сотрудничество остается важным, но уже не может быть единственным источником развития. Критически значимым становится наличие собственных решений в тех сферах, от которых напрямую зависит функционирование экономики. Прежде всего это касается микроэлектроники, программных продуктов, машиностроения, энергетического оборудования и фармацевтики. Именно здесь отставание быстрее всего проявляется не только в экономических показателях, но и в более широких ограничениях, затрагивающих повседневную жизнь и социальную сферу. В этом контексте технологическая политика перестает быть узкоспециализированной сферой и становится центральным элементом экономической стратегии.

Одновременно с этим усиливается значение пространственного измерения экономической модернизации. Сложившаяся территориальная структура хозяйства во многом отражает прежнюю экспортно-ориентированную модель, в которой ключевые производственные и логистические узлы были связаны с внешними рынками. В новых условиях возникает необходимость перераспределения экономической активности внутри страны, что предполагает развитие региональных производственных кластеров, транспортной инфраструктуры и локальных цепочек добавленной стоимости. Это особенно важно в контексте снижения транзакционных издержек и повышения устойчивости экономики к внешним шокам. Пространственная диверсификация позволяет снизить концентрационные риски и формирует более равномерную экономическую среду, в которой отдельные региональные дисбалансы не приводят к системным сбоям.

Финансовая система в рамках структурной модернизации также приобретает качественно новое содержание. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам капитала возрастает значение внутренних источников инвестиций и механизмов их перераспределения. Банковский сектор, рынок капитала и институты развития становятся не просто посредниками, а активными участниками процесса трансформации экономики. Вопрос финансирования долгосрочных преобразований постепенно выходит на первый план. Крупные инфраструктурные и технологические проекты по своей природе не укладываются в короткие инвестиционные циклы, поэтому требуют особых финансовых механизмов, рассчитанных на длительную отдачу. Однако здесь возникает непростая дилемма: стремление сохранить устойчивость макроэкономических параметров неизбежно сталкивается с задачей наращивания вложений в развитие. Любое решение в этой плоскости связано с компромиссами. Сдержанная денежно-кредитная политика способна охладить инвестиционную активность, тогда как избыточная мягкость повышает вероятность ценовых перекосов. В результате экономическая политика в переходный период все чаще приобретает характер балансирования между разнонаправленными рисками, где универсальных решений попросту не существует.

Параллельно меняется и ситуация на рынке труда. По мере усложнения производственной базы возрастает потребность в специалистах, способных работать с новыми технологическими решениями и адаптироваться к быстро меняющейся среде. Это уже не сводится к формальному обновлению образовательных программ. Речь идет о выстраивании непрерывной системы профессионального развития, в которой переподготовка становится нормой, а не исключением. В противном случае накапливается разрыв между тем, что требуется экономике, и тем, что реально может предложить рынок труда. Уже сейчас в ряде отраслей ощущается нехватка инженеров и технических кадров, и этот дефицит начинает напрямую влиять на темпы обновления промышленности. Таким образом, человеческий капитал перестает быть фоновым фактором и все чаще выступает либо ограничением, либо ключевым ресурсом роста. Если рассматривать происходящие изменения в целом, становится очевидно, что модернизация не развивается по простой и предсказуемой траектории. Это скорее наложение нескольких процессов, каждый из которых имеет собственную логику и временные рамки. Перестройка затрагивает одновременно производство, институты, финансовую архитектуру и сферу занятости, из-за чего управление такими изменениями требует высокой согласованности решений. Кроме того, подобные сдвиги по своей природе инерционны: они опираются на накопление компетенций,

технологий и институциональных практик, а значит, не дают мгновенного эффекта и требуют длительного горизонта реализации.

Существенное значение приобретает фактор последовательности политики: фрагментарные и несогласованные меры способны не ускорить, а, напротив, затормозить процесс модернизации, усиливая неопределенность для экономических агентов.

Таким образом, анализ текущих тенденций позволяет сделать вывод о том, что переход к суверенной модели экономики является не реакцией на временные внешние ограничения, а закономерным этапом эволюции экономической системы в условиях глобальной фрагментации. Он предполагает переосмысление базовых принципов экономической политики, изменение роли государства, трансформацию отраслевой и пространственной структуры хозяйства, а также формирование новых механизмов роста. В конечном счете устойчивость экономики в подобных условиях определяется не столько ее текущими ресурсами, сколько способностью к адаптации и институциональному обновлению, что и составляет сущность современной структурной модернизации [11, с. 113].

Заключение

Текущая модель экономического роста опирается на внешние элементы воспроизводства – технологии, оборудование, финансовые каналы и логистику. При ограничении доступа к ним возникает не временный сбой, а нарушение непрерывности производственных процессов. Это проявляется в росте издержек, удлинении производственных циклов и снижении устойчивости предприятий.

Расширение отраслевой структуры само по себе не решает проблему. Новые сектора, если они формируются в прежней логике, воспроизводят ту же зависимость от внешних компонентов. В результате диверсификация изменяет внешний вид экономики, но не снижает ее уязвимость. Смещение акцента необходимо на уровне организации производства. Приоритет – формирование цепочек, в которых критически значимые стадии не зависят от внешних поставок. Это касается прежде всего оборудования, комплектующих и технологических решений, без которых невозможен выпуск конечной продукции. Стимулирование спроса без наращивания внутреннего предложения усиливает дисбалансы. Рост доходов в такой ситуации трансформируется в инфляцию или импорт, а не в расширение производства. Следовательно, спрос может работать на развитие только при наличии готовых производственных мощностей внутри экономики. Инвестиционная логика также требует пересмотра. Ориентация на быструю доходность приводит к концентрации капитала в ограниченном числе сегментов и не формирует основу для долгосрочной устойчивости. Приоритет должны получать проекты,

закрывающие критические зависимости, даже при более длительном сроке окупаемости.

Финансовая система в существующем виде ориентирована на краткосрочный оборот и недостаточно связана с задачами структурных изменений. Без инструментов долгосрочного финансирования модернизация ограничивается точечными решениями и не приобретает системного характера. Переориентация внешней торговли не устраняет зависимость, а меняет ее конфигурацию. Замена одних партнеров другими сохраняет уязвимость, если ключевые элементы производственного процесса остаются внешними. Практический результат возможен только при изменении самой структуры воспроизводства: от модели, опирающейся на внешние контуры, к системе, способной обеспечивать непрерывность производства за счет внутренних ресурсов. Без этого любые изменения остаются поверхностными и не влияют на устойчивость экономики.

Список литературы

1. Обзор финансовой стабильности. – Текст : электронный // cbr.ru : [сайт]. – URL: <https://cbr.ru/finstab/> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Доклад о денежно-кредитной политике. – Текст : электронный // Банк России : [сайт]. – URL: <https://cbr.ru/dkp/> (дата обращения: 01.05.2026).
3. World Bank Russia Economic Report / Bank World. – Текст : электронный // World Bank : [сайт]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publication/rer> (дата обращения: 01.05.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – Текст : электронный // kremlin.ru : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Sachs J.D. Natural Resource Abundance and Economic Growth / J. D. Sachs. – Текст : электронный // nber.org : [сайт]. – URL: <https://www.nber.org/papers/w5398> (дата обращения: 01.05.2026).
6. Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis / R.M. Auty. – London : Routledge, 1993. – 272 с. – Текст : непосредственный.
7. OECD Economic Outlook / OECD. – Текст : электронный // oecd.org : [сайт]. – URL: <https://www.oecd.org/economic-outlook/> (дата обращения: 01.05.2026).
8. UNCTAD Trade and Development Report 2023 / UNCTAD. – Текст : электронный // unctad.org : [сайт]. – URL: <https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2023> (дата обращения: 01.05.2026).
9. IMF World Economic Outlook / IMF. – Текст : электронный // International Monetary Fund : [сайт]. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (дата обращения: 01.05.2026).

10. Rodrik, D. Industrial Policy for the Twenty-First Century / D. Rodrik. – Текст : электронный // cepr.org : [сайт]. – URL: <https://cepr.org/publications/dp4767> (дата обращения: 01.05.2026).
11. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 152 p. с. – Текст : непосредственный.

Об авторах:

АРТЕМЕНКО Дарья Дмитриевна – студент 3 курса бакалавриата факультета международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, e-mail: dar_artemenko@mail.ru

БАЗАРОВА Милана Мурадовна – студент 3 курса бакалавриата факультета международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, e-mail: 230651@edu.fa.ru

Научный руководитель:

СОКОЛОВ Дмитрий Павлович – кандидат экономических наук, доцент Кафедры экономической теории, зам. зав. кафедрой, факультет международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, (12599300, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49), e-mail: dpsokolov@fa.ru. ORCID: 0000-0002-7772-6577, Spin-код: 1568-9080.

**Structural modernization of the economy under geopolitical constraints:
from resource-export to sovereign model**

Artemenko Daria Dmitrievna

student – 3rd year undergraduate student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: dar_artemenko@mail.ru

Bazarova Milana Muradovna

student – 3rd year undergraduate student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: 230651@edu.fa.ru

Supervisor: Dmitry Pavlovich Sokolov, Ph.D., Associate Professor, Department of Economic Theory, Faculty of International Economic Relations, FSBEI HE "Financial University under the Government of the Russian Federation," Moscow, (12599300, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49), e-mail: dpsokolov@fa.ru.

Abstract. The article examines the issues of structural transformation of a national economy under severe external constraints. It is shown that the established resource-export model, which long ensured budget revenues and foreign currency inflows, is exhausting its potential in the new geopolitical environment. The main vulnerability of this model is its critical dependence on imported technologies, components, and international settlement channels. The authors substantiate the need to transition towards a sovereign development model, the key features of which are technological autonomy, a diversified production base, and the ability to reproduce the investment cycle using domestic resources. Special attention is paid to the role of the state as an institutional architect that sets long-term priorities and coordination mechanisms between science, industry, and the financial sector. The importance of domestic demand is revealed: if synchronized with supply expansion, it can become a driver of modernization rather than a source of inflation. It is concluded that structural economic restructuring is not a set of tactical import substitution measures, but a longterm project aimed at qualitatively replacing the previous growth logic with a sustainable, flexible, and externally less dependent reproduction system.

Keywords: *structural modernization, economic sovereignty, resource-export model, geopolitical constraints, technological independence, industrial policy, domestic demand.*

About the authors:

ARTEMENKO Daria Dmitrievna– 3rd year undergraduate student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: dar_artemenko@mail.ru

BAZAROVA Milana Muradovna – 3rd year undergraduate student of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, e-mail: 230651@edu.fa.ru

About the research supervisor:

DMITRY Pavlovich Sokolov – Ph.D., Associate Professor, Department of Economic Theory, Faculty of International Economic Relations, FSBEI HE "Financial University under the Government of the Russian Federation," Moscow, (12599300, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49), e-mail: dpsokolov@fa.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.12.2025.

Дата принятия в печать 10.05.2026